

Нет автора

Русская старина

1900. 1_3

УДК 304
ББК 60.5
Н57

Н57 **Нет автора**
Русская старина: 1900. 1_3 / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 768 с.

ISBN 978-5-458-02852-3

ISBN 978-5-458-02852-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Библиографическій листокъ.

Записка старой сводянки Императорскаго В. О. Б. Д. В. П. Бяковой. 1833—78 г. Ч. I, съ 30 иллюстр. Ч. II, съ 20 иллюстр. Примѣванія и издание свад. К. Зи—скаго. Сиб. 1893—1899 гг.

Варвара Петровна Бякова родилась въ 1830 г. Получила воспитаніе въ Императорскомъ воспитательномъ обществѣ благородныхъ дѣвцъ, или, какъ въ то время было принято называть это заведеніе, въ „Смолянскомъ монастырѣ“. Окончивъ полный курсъ въ 1838 г., Варвара Петровна съ апрѣля 1846 по августъ 1858 г. служила воспитательницей въ этомъ заведеніи, исполнила свои обязанности „съ отличіемъ усердіемъ и отличіемъ усѣбкомъ“. Въ 1858 г. она съ сестрою своею, Анною Петровною, назначенною начальницею дѣвичьяго института Восточной Сибири, — уѣхала въ Иркутскъ и до 1877 г. была дѣлательной помощницею сестры по управленіи институтомъ. Въ 1877 г., по выходѣ въ отставку, сестры Бяковы переехали въ Саратовъ, а въ 1881 г. въ Петербургъ, гдѣ Варвара Петровна и умрла 22-го октября 1886 года.

Общаясь собою періодъ времени почти въ 56 лѣтъ, записки Варвары Петровны Бяковой заключаютъ въ себѣ много интереснаго. Самими авторомъ эти записки не были подготовлены къ изданію. „Большая часть ихъ, видно, — говоритъ о. К. Знаменскій въ предисловіи къ первой части, — ни разу не перочитана, годъ и числа рѣдко гдѣ проставлены. При томъ же рукописи четыре раза возмущивались изъ Петербурга въ Иркутскъ, а потому во многихъ мѣстахъ повѣтъ карандашомъ и тушью совершенно сгорѣли, и восстановить изъ первоначальный текстъ во многихъ случаяхъ невозможно“.

Для ознакомленія съ содержаніемъ записокъ В. П. Бяковой, мы приведемъ нѣсколько выдержекъ. Вотъ, напримеръ, какъ описываетъ она открытіе 30-го августа 1834 г. памятника императору Александру I, на которомъ она присутствовала въ числѣ прочихъ воспитанницъ столичнаго института: „Солнце освѣщало чудную картину: 120 тысячъ войскъ, по одному слову императора, собрались изъ разныхъ концовъ Россіи и стрѣли, безвозвратно расположились на площади“.

Передъ войскомъ являлся царь-исполнитель, могучій диктаторъ всѣхъ силъ своего обширнаго царства, царь-правосудецъ, царь-цѣль-огонь! Когда, въ концѣ молитвеннаго, запыль: „вѣчная память“ Александру Благословенному, то государь, а за нимъ и все войско приложили колѣна. Это уважительное зрѣлище поразило и расстрогало меня до глубины сердечной. Поразило тѣмъ болѣе, что я не была къ нему подготовлена. Въ эти торжественныя минуты что-то чуд-

ное совершилось во мнѣ: хотѣлось плакать, а душа была переполнена неизъяснимымъ благомыслиемъ. Благопожеланіемъ государя среди сотни тысячъ своего народа, Ангелъ на памятникѣ съ сіяющими крестомъ, царскій пахъ просторной прехи иль въ мнѣ силы, трогательное иль переполненіе каяра, — все эта чудная картина, великая мысль, чувства и молитва, прилегла на мою свѣдѣнное впечатлѣніе“.

Въ 1836 г. сестры Бяковы получили курсъ 1-го марта „своими“ „удостоенными“ шифромъ, пошла въ Зимній дворецъ. Путь велъ въ кабинетъ императрицы. Она сидѣла въ большомъ креслѣ; на ней была бѣлая платье, въ плечахъ голубая косынка съ золотыми орнаментами и черная на головахъ, на правую руку она пригласила „дѣть „бабушю““). Пасхъ весьма пряткаго предвѣщенія, прочитавши Г. И. Владимировича, „своими“, близкими по суровости, подходила къ императрицѣ и оуказались на воздѣи. Государыня собственноручно пригласила замолвить шифръ каждой изъ нихъ. Пасхъ этой церемоніи, — говоритъ В. П. Бякова, — мы оутиперенали въ Георгіевскую оулу и утизали столъ, наприказъ на оденнадцать пробороча. Бабушка возмѣталась съ нами, а императрица, великіе князья и великія княжны разхѣстались вокругъ насъ, угощали и бѣла безпрестанно съ одного мѣста на другое. Великіе князья, съ дозволенія престоупленіи дубки изъ нами императрицы, сами брали у насъ въ бѣла и разносили кушаламъ одѣвнымъ. Въ уиовеніи благомыслиемъ, мы зѣи смѣтили, какъ вошла императоръ. — „Здравствуйте, здравствуйте! оути разъ, что выи васъ въ этихъ мундиркахъ, что случались оути рѣдко. Je suis bien fâché de ne pouvoir faire les honneurs, je suis pressé, mais vous saluez cette Peste“, — сказалъ императоръ и, приложивъ лѣвою руку къ Оути Неволенимъ къ своему, добавилъ: „Еще сто годъ рѣсага“.— „А ты помети!“ — приближивъ оути, обращаясь къ насѣднику, молва толкнули его въ спину, а съ той минуты Александръ Николаевичъ былъ нашимъ дивелеромъ во оупутешествіе по дворцу.

Состоя, съ 1846 г., классномъ дамочѣ въ Смолянскомъ монастырѣ, В. П. Бякова въ свое свободное время посещала театры, а къ запискамъ ея встрѣчаются оути и мнѣтвѣхъ писателекъ, русскихъ и иностранцевъ. Вотъ что говоритъ она о Пушкинѣ: „Малый Пушкинъ! Чудный Пушкинъ! Мало жаль тебѣ Князь допустили до поеданія! Перелужили жена, не умѣла дѣлать своего гонималомъ мужа! Возмущилъ и Пушкинъ! Да, безумный но прекрасный въ своемъ безуміи.“ „О Пушкинъ, гений!!! И современниками такъ и вонзати. Перечитываю я и „Оубица“ — странныго смутника Пушкина. Замуиивалась оути

*) Такъ звали воспитанницу Смолянскаго института своей начальницею, графиней Ю. С. Адлербергеръ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1900 годъ.

Имѣя цѣлью знакомить читателей съ историческимъ прошлымъ Россіи, редакція «Русской Старины» будетъ по-прежнему помѣщать на своихъ страницахъ: 1) Историческія изслѣдованія; 2) Записки, воспоминанія и дневники; 3) Очерки и рассказы; 4) Жизнеописанія людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 5) Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 6) Историческіе рассказы и преданія; 7) Документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 8) Мемуары и рассказы иностранныя, насколько они касаются Россіи и ея исторіи; 9) Народную словесность; 10) Архивные документы.

Редакція не имѣетъ возможности перечислять здѣсь статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, при благосклонномъ участіи которыхъ успѣхъ изданія можно считать вполне обеспеченнымъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждого мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по съѣзземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 145.

Ссора между И. А. Гончаровымъ и И. С. Тургеневымъ въ 1859 и 1860 годахъ.

П. В. Анненковъ въ одной изъ своихъ статей, посвященныхъ воспоминаніямъ объ И. С. Тургеневѣ ¹⁾, коснулся того «литературнаго недоразумѣнія», которое разыгралось между авторомъ «Обломова» и авторомъ «Дворянскаго Гнѣзда» и «Наканунѣ» вслѣдъ за появленіемъ названныхъ произведеній на свѣтъ и порвало на нѣсколько лѣтъ дружескія отношенія этихъ двухъ корифеевъ нашей литературы. По словамъ Анненкова, это столкновение немало огорчило Тургенева, и чтобы разобраться въ немъ, Иванъ Сергѣевичъ потребовалъ третейскаго суда, ибо «во всемъ этомъ дѣлѣ усмотрѣлъ намѣреніе объявить успѣхъ «Дворянскаго Гнѣзда» и «Наканунѣ» приобрѣтеннымъ неправильно». Изложеніемъ хода суда Анненковъ и намѣревался ограничиться, но на дѣлѣ его повѣствованіе—какъ впрочемъ и слѣдовало ожидать—переступило эти узкіе предѣлы: автору воспоминаній неизбежно пришлось коснуться причинъ размолвки. Такимъ образомъ рассказъ его составилъ изъ двухъ неравныхъ частей: введенія, въ которомъ Анненковъ кратко упоминаетъ о возникновеніи разлада между двумя романистами, и затѣмъ довольно подробнаго описанія самаго суда. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ общемъ рассказъ Анненкова заслуживаетъ большаго довѣрія; Павелъ Васильевичъ былъ не только близкимъ свидѣтелемъ всего происшествія, но и близкимъ пріятелемъ, отчасти повѣреннымъ обоимъ противникамъ, а затѣмъ явился однимъ изъ членовъ того суда, который разбиралъ дѣло, и составъ котораго былъ опредѣ-

¹⁾ Шесть лѣтъ переписки съ И. С. Тургеневымъ 1856—1865—въ Вѣстникѣ Европы 1885 г., № 3.

тературѣ и обществѣ; но самый характеръ и условія ихъ успѣха были различныя, и въ этомъ обстоятельствѣ, по моему мнѣнію, скрывается зародышъ того столкновенія, которое произошло между ихъ авторами.

Успѣхъ «Дворянскаго Гнѣзда» былъ по истинѣ чрезвычайный, почти неслыханный со времени изданія «Мертвыхъ Душъ»; объ этомъ хорошо помнятъ очевидцы и единогласно свидѣтельствуютъ всѣ тогдашніе критики. Одинъ изъ нихъ, П. В. Анненковъ, взялся даже объяснить причины этого явленія и сдѣлалъ это довольно удачно. Среди свойственнаго автору туманнаго многословія, въ его разборѣ встрѣчается нѣсколько любопытныхъ замѣчаній, которыя стоить привести, какъ голосъ современника, искренно расположеннаго къ Тургеневу, но вмѣстѣ съ тѣмъ стоящаго, по своему литературному развитію, гораздо выше его заурядныхъ поклонниковъ. Поразительной успѣхъ «Дворянскаго Гнѣзда» Анненковъ объяснялъ не только художественными достоинствами исполненія, но и тѣмъ, что авторъ, создавая романъ, глубже зачерпнулъ его содержаніе изъ недръ русской жизни и отнесся къ ней съ большею симпатіей, чѣмъ то было обычно въ тогдашней литературѣ. «Черезъ рядъ болѣе или менѣе удачныхъ опытовъ», говорилъ Анненковъ, — «г. Тургеневъ дошелъ наконецъ до простой, многозначительней драмы, которая является въ «Дворянскомъ Гнѣздѣ» и какихъ тысячи втихомолку разыгрываются по разнымъ угламъ нашего отечества, дошелъ до лицъ и характеровъ, нисколько незапятнанныхъ грубымъ авторскимъ произволомъ, а взятыхъ изъ неисчислимой движущейся толпы такъ называемаго образованнаго общества, гдѣ они укрываются отъ лѣниваго наблюденія; словомъ, онъ изобразилъ такое событіе, которое оказалось связаннымъ тончайшими нитями съ нашею современностью, съ сердцами всего настоящаго или лучше, всего отживающаго поколѣнія. Таковъ былъ результатъ смѣлаго и вмѣстѣ дружелюбнаго отношенія къ жизни. Мудрено ли, что общество, узнавъ наконецъ въ яркой картинѣ одну изъ тайнъ собственнаго существованія, встрѣтило картину съ увлеченіемъ и восторгомъ, которыми оно обыкновенно награждаетъ людей, открывающихъ ему дорогу къ самосознанію, къ оцѣнкѣ и къ суду надъ собою?»¹⁾

Роману Гончарова труднѣе было овладѣть читателемъ. Начать съ того, что съ «Обломовымъ» общество знакомилось медленно, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, и въ этой медленности уже заключались поводы къ болѣе спокойному, болѣе холодному сужденію о романѣ, чѣмъ то, какое почти внезапно сложилось въ обществѣ относительно «Дворянскаго Гнѣзда». Затѣмъ, самые приемы Гончаровскаго письма, неторопливые,

¹⁾ Анненковъ, П. Воспоминанія и критическіе очерки. Отд. II. С.-Пб. 1874, стр. 197 и 198. Первоначально статья Анненкова появилась въ Русскомъ Вѣстникѣ 1859 г. № 16 (августъ).

чуждые прихотливой эффектности, достигающіе яркаго изображенія лишь богатствомъ, полнотою красокъ и тщательностью отдѣлки, не располагали къ быстрому усвоенію впечатлѣнія. Наконецъ, нельзя забыть и того, что «Обломовъ» не былъ для читателя совершенною новостью, что еще за десять лѣтъ до появленія всего романа напечатанъ былъ тотъ знаменитый отрывокъ изъ него—«Сонъ Обломова», который навсегда остался лучшею его частію.

О томъ, какъ принятъ былъ романъ Гончарова читателями въ 1859 году, сохранились также свидѣтельства современниковъ—А. А. Григорьева и Н. А. Добролюбова, и эти показанія тѣмъ болѣе достойны вниманія, что они принадлежатъ двумъ критикамъ, взглянувшимъ на романъ съ совершенно противоположныхъ точекъ зрѣнія и оцѣнившихъ его очень различно. Вотъ что говоритъ по этому поводу строгій противникъ сухого догматическаго міровоззрѣнія Гончарова Григорьевъ: «Явился наконецъ давно жданный «Обломовъ». Прежде всего, онъ не сказалъ ничего новаго. Все его новое высказано было гораздо прежде въ «Снѣ Обломова»—я разумѣю все существенно новое, такое, что возбуждаетъ толки, возбуждаетъ вражды и симпатіи. Успѣхъ «Обломова»—что ни говорите—былъ уже спорный, вовсе не то, что успѣхъ «Обыкновенной исторіи». Да оно такъ и должно было быть. Эпоха другая—сознаніе выросло. «Обыкновенная исторія» польстила требованію минуты, требованію большинства, чиновничества, моральнаго мѣщанства. «Обломовъ» ничему не польстилъ и опоздалъ по крайней мѣрѣ пятью или шестью годами... Въ «Обломовѣ» Гончаровъ остался тѣмъ же, чѣмъ былъ въ «Обыкновенной исторіи», и построены его «Обломовъ» по такимъ же сухимъ догматическимъ темамъ, какъ «Обыкновенная исторія». Въ подробностяхъ своихъ онъ—если хотите—еще выше «Обыкновенной исторіи», психологическимъ анализомъ еще глубже; но наше сознаніе, сознаніе эпохи, шло впередъ, а сознаніе автора «Обыкновенной исторіи» застряло въ Японіи. Польстилъ «Обломовъ» только весьма небольшому кружку людей, которые вѣрятъ еще тому, что врагъ нашъ въ дѣлѣ развитія—наша собственная натура, наши существенно бытовые черты, и что все спасеніе для насъ заключается въ выдѣлкѣ себя по какой-то узенькой теоріи... Воззрѣнія этого небольшого кружка тоже далеко отстали отъ вопросовъ эпохи»¹⁾.

Въ этомъ отзывѣ есть, конечно, извѣстная доля субъективности: Григорьевъ изображаетъ успѣхъ «Обломова» лишь въ той мѣрѣ, въ какой самъ питалъ сочувствіе къ автору этого произведенія; но есть тутъ и много правды: успѣхъ этотъ въ моментъ появленія романа былъ

¹⁾ Сочиненія Аполлона Григорьева, т. II. С.-Пб., 1876 г., стр. 420. Статья, изъ которой приведена выписка, была первоначально напечатана въ Русскомъ Словѣ 1859 г. № 8 (августъ).

сомнѣній на счетъ успѣха «Обломова» съ особенною силою пробудились въ душѣ Гончарова подозрѣнія касательно отношеній Тургенева къ его произведеніямъ, и онъ не имѣлъ достаточно силы духа, чтобы побороть ихъ, а напротивъ сталъ припоминать свои старые переговоры съ Иваномъ Сергѣевичемъ и выискивать его вины.

Надобно сказать, что Тургеневъ и Гончаровъ были знакомы между собою еще съ половины сороковыхъ годовъ, но коротко сошлись они лишь въ половинѣ пятидесятихъ, послѣ возвращенія Гончарова изъ Японіи (февраль 1855 г.). Съ тѣхъ поръ они часто видались въ Петербургѣ, гдѣ жилъ постоянно Иванъ Александровичъ, и куда Иванъ Сергѣевичъ прїѣзжалъ почти ежегодно: съ 1856 года онъ началъ часто отлучаться на западъ и между прочимъ провелъ тамъ время съ половины этого года до весны 1858 Гончаровъ тоже ѣздилъ туда лѣтомъ 1857 и 1858 годовъ, и въ первую изъ этихъ поѣздокъ, лѣчасъ на водахъ, кажется, въ Мариенбадѣ, усердно и съ увлеченіемъ работалъ надъ окончательною отдѣлкой «Обломова». Если не ошибаюсь, въ теченіе этой поѣздки онъ видѣлся за границей и съ Тургеневымъ. Въ то время дружескія связи ихъ были на столько тѣсны, что они не только читали другъ другу свои уже написанныя, но еще не напечатанныя произведенія, но и сообщали на общій судъ программу сочиненій, только что задуманныхъ; такъ, по всему вѣроятію, не позжѣ 1857 года Гончаровъ показывалъ Тургеневу программу романа, которому предполагалось дать заглавіе: «Эпизоды изъ жизни Райскаго», и который былъ впоследствии названъ «Обрывомъ», а Тургеневъ въ 1858 году прочелъ Гончарову «Дворянское Гнѣздо» и далъ понятіе о содержаніи романа «Наканунѣ». Выслушавъ «Дворянское Гнѣздо», Гончаровъ высказалъ автору мысль о сходствѣ этого произведенія съ сюжетомъ задуманнаго имъ «Райскаго», и Тургеневъ—какъ утверждалъ впоследствии Иванъ Александровичъ—не только согласился съ этимъ замѣчаніемъ, но и рѣшился исключить изъ своего романа одно мѣсто, слишкомъ живо напоминавшее одну изъ сценъ въ будущемъ романѣ Гончарова. «Я успокоился», говорилъ впоследствии Гончаровъ, припоминая это обстоятельство. Но когда «Дворянское Гнѣздо» было напечатано и своимъ громаднымъ успѣхомъ заслонило успѣхъ начавшаго печататься «Обломова», Гончаровъ не выдержалъ и снова затѣялъ счеты съ Тургеневымъ. Впрочемъ, эта попытка личныхъ объясненій не имѣла рѣшительнаго характера и не привела еще къ разрыву между старыми пріятелями, такъ что когда Тургеневъ, въ мартѣ мѣсяцѣ 1859 года, собрался съѣздить въ свое Спасское, Гончаровъ припелъ проводить его на Николаевскую станцію, и они разстались болѣе или менѣе дружески; но вслѣдъ затѣмъ сомнѣнія снова овладѣли Гончаровымъ, и онъ рѣшился возобновить свои объясненія на письмѣ. Письмо Ивана Александровича къ Тургеневу было

помѣчено 28-мъ марта. Предъ его отправленіемъ Гончаровъ снялъ съ него копию, которую оставилъ у себя, а впоследствии передалъ С. С. Дудышкину. Вотъ она въ томъ видѣ, какъ оказалась въ бумагахъ послѣдняго:

Письмо къ Тургеневу.

28-го марта 1859.

.....
 А рггорос—о дипломатахъ и дипломатіи. Садясь въ вагонъ у Знаменья на станціи и прощаясь со мной, вы мнѣ сказали: «Надѣюсь, теперь вы убѣдились (по поводу нашего разговора на канунѣ), что вы не правы», и потомъ прибавили вашъ обыкновенный refrain: «Спросите у NN: когда я говорилъ ему о томъ-то и о томъ-то». Вы могли говорить объ этомъ очень давно, и все это ничего не значить. У меня и въ бумагахъ есть коротенькая отмѣтка о дѣдѣ, отцѣ и матери героя. Но говорить о четырехъ портретахъ предковъ (изъ письма) вы не могли. Впрочемъ, все это ничего не значить: я знаю, что внутренно вы совершенно согласны со мной.

Съ большой досадой пошелъ я домой. «За кого же онъ меня считаетъ?»—думалъ я,—«за ребенка, за женщину или за юношу, какъ называлъ меня вечеромъ въ тотъ день Анненковъ?» Мнѣ и хочется теперь сказать вамъ: Нѣтъ, я убѣжденъ въ томъ, въ чемъ самъ убѣдился, что вижу и знаю, что меня удивляетъ, волнуетъ и заставляетъ поздно раскаиваться, и мнѣ свидѣтельства свидѣтелей не нужно. Нашъ споръ былъ тонокъ, деликатенъ и подлежалъ только суду нашихъ двухъ совѣстей, а не NN, не П П. Ужели вы, являсь на этотъ споръ съ блестящей свитой, могли бы быть покойны и довольны собой потому только, что NN или П П сказали бы: «Вы не правы. Какъ это можно: Тургеневъ не правъ! Кто смѣетъ подумать? Это ложь» и т. д., и т. д. А между тѣмъ вы въ самомъ дѣлѣ были бы не правы? Я не понимаю этого. Еслибъ весь міръ называлъ меня убійцей и лгуномъ, а я бы не былъ убійцей и лгуномъ, я бы не смутился; точно также, еслибъ весь міръ сдѣлалъ меня своимъ идоломъ, да если бы во мнѣ завелся маленькій червячекъ,—кончено дѣло: я бы пропалъ. Нѣтъ! Если я на канунѣ спорилъ осторожно и оставилъ арену, не дойдя до конца, не высказавшись весь, такъ это потому, что есть предметы слишкомъ нѣжные, до которыхъ трудно касаться,—отъ того, что у меня, у «жестокаго чловека», есть мягкость тамъ, гдѣ у другихъ ея не бываетъ... Мнѣ было неловко, я конфузился—только не отъ своей неправоты... Правда ваша послѣ этого, что ваши хитрости «сшиты на живую нитку», когда вы

мою мягкость и неловкость приняли за «убѣжденіе въ неправомъ спорѣ». Нѣтъ, не повѣрилъ я вамъ и въ томъ, когда вы такъ «натурально» увѣрили меня, что будто литературное ваше значеніе вовсе не занимаетъ васъ, что вы касаетесь ея такъ, мимоходомъ, а что живетъ въ васъ «старая мечта, старая любовь», и по ней тоскуете вы, по неосуществленію ея. Простите, мнѣ послышались въ этихъ словахъ стихи:

И знаетъ Богъ, и видитъ свѣтъ:
Онъ, бѣдный гетманъ двадцать лѣтъ...

Дипломатъ, дипломатъ! Нѣтъ! Давно и страстно стремились вы— скажу къ чести вашей— къ вашему призванію и къ вашему значенію: не сознаваться въ этомъ было бы или постыднымъ равнодушіемъ, или *fatuité*. Скажу болѣе: вы смотрите еще выше, и конечно, подымаетесь очень высоко, если пойдете своимъ путемъ, если окончательно уясните, опредѣлите сами себѣ свои свойства, силы и средства. Вы скользите по жизни поверхностно, это— правда; но по литературной стезѣ вы скользите менѣе поверхностно, нежели по другому. Я, напримѣръ, рѣю тяжелую борозду въ жизни, потому что другія свойства заложены въ мою натуру и въ мое воспитаніе. Но оба мы любимъ искусство, оба— смѣю сказать— понимаемъ его, оба тщеславны, а вы, сверхъ того, не чужды въ вашихъ стремленіяхъ и нѣкоторыхъ страстей..., которыхъ я лишень по большей цѣльности характера, по другому воспитанію и еще... не знаю почему,— по лѣни, вѣроятно, и по скромности мнѣ во всемъ на роду написанной доли. У меня есть упорство, потому что я обречень труду давно, я моложе васъ, тронуть былъ жизнью и отъ того затрогиваю ее глубже, отъ того служу искусству, какъ запряженный волъ, а вы хотите добывать призы, какъ на *course au clocher*.

Если смѣю выразить вамъ взглядъ мой на вашъ талантъ искренно, то скажу, что вамъ данъ нѣжный, вѣрный рисунокъ и звуки, а вы порываетесь строить огромныя зданія или цирки и хотите дать драму. Свое свободное, безгранично отведенное вамъ пространство хотите вы сами насильственно ограничить тѣсными рамками. Вамъ, какъ орлу, суждено нестись надъ горами, областями, городами, а вы кружитесь надъ селомъ и хотите сосредоточиться надъ прудомъ, надъ невидимыми для васъ сверху внутренними чувствами, страстями семейной драмы. Хотите спокойно и глубоко повѣствовать о лицѣ, о чувствѣ, которыхъ по быстротѣ полета не успѣли разглядѣть, изучить и окунуться сами въ его грусть и радость. Въ этомъ непониманіи своихъ свойствъ лежитъ вся, по моему мнѣнію, ваша ошибка. Скажу очень смѣлую вещь: сколько вы не пишете еще повѣстей, и драмъ, вы не опередите вашей «Иліады», вашихъ «Записокъ охотника»: тамъ нѣтъ ошибокъ; тамъ вы просты, вы—

соки, классичны, тамъ лежатъ перлы вашей музы: рисунки и звуки во всемъ ихъ блистательномъ совершенствѣ! А «Фаустъ», а «Дворянское Гнѣздо», а «Ася» и т. д.? И тамъ радужно горятъ ваши линіи и раздаются звуки. За то остальное, за то созданіе—его нѣтъ, или оно скудно, призрачно, лишено крѣпкой связи и стройности, потому что для зодчества нужно упорство, спокойное, объективное обозрѣваніе и постоянный трудъ, терпѣніе, а этого ничего нѣтъ въ вашемъ характерѣ, слѣдовательно, и въ талантѣ. «Дворянское Гнѣздо»... Про него я самъ ничего не скажу, но вотъ мнѣніе одного господина, на дняхъ высказанное въ одномъ обществѣ. Этотъ господинъ былъ подъ обаяніемъ впечатлѣнія и между прочимъ сказалъ, что когда впечатлѣніе минуетъ, въ памяти остается мало; между лицами нѣтъ органической связи, многія изъ нихъ лишнія, не знаешь, зачѣмъ рассказываетя исторія барыни (Варвары Павловны), потому что, очевидно, автора занимаетъ не она, а картинки, силуеты, мелькающіе очерки, исполненные жизни, а не сущность, не связь и не цѣлостъ взятаго круга жизни; но что гимнъ любви, сыгранный нѣмцемъ, ночь въ коляскѣ и у кареты и ночная бесѣда двухъ пріятелей—совершенство, и они-то придаютъ весь интересъ и держатъ подъ обаяніемъ, но вѣдь они могли бы быть и не въ такой большой рамкѣ, а въ очеркѣ, и дѣйствовали бы живѣе, не охлаждая промежутками... Сообщаю вамъ эту рецензію учителя (онъ—учитель) не потому, чтобъ она была безусловная правда, а потому, что она хоть отчасти подтверждаетъ мой взглядъ на ваши произведенія. Летучіе быстрые порывы, какъ извѣстный лирическій порывъ Мицкевича; населенные также быстро мелькающими лицами, событіями отрывочными, не доказанными, не допѣтыми (какъ Лиза въ «Гнѣздѣ»), лицами жалкими и скорбными звуками или радостными кликами,—вотъ гдѣ ваша не побѣдимая и не подражаемая сила. А чуть эта же Лиза начала шевелиться, обертываться всѣми сторонами, она и поблѣднѣла. «Но Варвара Павловна»—скажутъ—«полный, законченный образъ». Да, пожалуй, но какой внѣшній! У какихъ писателей не встрѣчается онъ! Вы простите, если напому романъ Paul de Kock «La Coci», гдѣ такой же образъ выведенъ, но еще трогательный: тамъ онъ извлекаетъ слезы. Вамъ, кажется, дано (по крайней мѣрѣ такъ до сихъ поръ было, а теперь—говорятъ—вы вышли на новую дорогу) не оживлять фантазіей дѣйствительную жизнь, а окрашивать фантазію дѣйствительною жизнію, по временамъ, мѣстами, чтобы она была не слишкомъ призрачна и прозрачна. Лира и лира—вотъ вашъ инструментъ. Поэтому я было обрадовался, когда вы сказали, что предметомъ задумываемаго вами произведенія избираете восторженную дѣвушку, но вспомнилъ, что вы—вѣдь дипломатъ: не хотите ли обойти или прикрыть этимъ эпитетомъ другой (нѣтъ ли тутъ еще гнѣзда, продолженія его, то-есть, одного

ательности и озаглавленной «Лучше поздно, чѣмъ никогда»¹⁾). Совѣтъ въ другомъ родѣ отвѣтъ Тургенева. Между тѣмъ какъ авторъ «Обломова» строго обдумалъ и взвѣсилъ каждую строку, каждое слово своего посланія, авторъ «Дворянскаго Гнѣзда» набросалъ свой отвѣтъ однимъ легкимъ взмахомъ руки. Не входя ни въ какія подробности, онъ ограничивается лишь краткимъ объясненіемъ по поводу обвиненій, взведенныхъ на него Гончаровымъ, да и объ этомъ щекотливомъ предметѣ старается говорить какъ можно менѣе. Тургеневъ, очевидно, избѣгалъ ссоры, замѣчая, съ одной стороны, преувеличенную придирчивость своего корреспондента, а съ другой—пожалуй, чувствуя, что упрекъ Гончарова можетъ имѣть нѣкоторое, впрочемъ только призрачное основаніе: не даромъ же, еще при первомъ личномъ объясненіи Иванъ Сергѣевичъ имѣлъ слабость или неосторожность упомянуть о своей невольной, бессознательной впечатлительности: упоминаніе, которымъ Гончаровъ, какъ видно изъ его письма, воспользовался очень искусно. Какъ бы то ни было, вотъ что содержалось въ письмѣ Тургенева:

Отвѣтъ Тургенева.

7-го апрѣля 1859.

Не могу скрыть, любезнѣйшій Иванъ Александровичъ, что берусь за перо на сей разъ противъ обыкновенія съ меньшимъ удовольствіемъ, чтобы отвѣчать вамъ, потому что какое удовольствіе писать человѣку, который считаетъ тебя присвоителемъ чужихъ мыслей (*plagiaire*), лгуномъ (вы подозрѣваете, что въ сюжетѣ моей новой повѣсти опять есть закорючка, что я вамъ только хотѣлъ глаза отвести) и болтуномъ (вы полагаете, что я рассказалъ Анненкову нашъ разговоръ). Согласитесь, что какова бы ни была моя «дипломатія», трудно улыбаться и любезничать, получая подобныя пилюли. Согласитесь также, что за половину—что я говорю!—за десятую долю подобныхъ упрековъ вы бы прогнѣвались окончательно. Но я—назовите это во мнѣ, чѣмъ хотите, слабостью или притворствомъ,—я только подумалъ: «Хорошаго же онъ о тебѣ мнѣнія» и только удивился тому, что вы еще кое-что нашли во мнѣ, что любить можно. И на томъ спасибо!

Скажу безъ ложнаго смиренія, что я совершенно согласенъ съ тѣмъ, что говорилъ «учитель» о моемъ «Дворянскомъ Гнѣздѣ». Но что же прикажете мнѣ дѣлать? Не могу же я повторять «Записки Охотника» *ad infinitum*! А бросить писать тоже не хочется. Остается сочинять такія повѣсти, въ которыхъ, не претендуя ни на цѣльность, ни на брѣвность характеровъ, ни на глубокое и всестороннее проникновеніе въ

¹⁾ И. А. Гончаровъ. Четыре очерка. С.-Пб. 1881.